

НИКОЛАЙ КАЛИФУЛОВ

Опасное расследование

ДЕТЕКТИВ

Николай Михайлович Калифулов

Опасное расследование.

Детектив

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273497
ISBN 9785447496111*

Аннотация

Выясняя обстоятельства загадочного самоубийства своего приятеля, жокей Савелий Збруев сталкивается с чередой необъяснимых событий, которые позволяют сделать вывод, что существует незримый заговор. Збруев решает провести частное расследование, чтобы установить, к кому сходятся нити...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Опасное расследование Детектив

**Николай Михайлович
Калифулов**

© Николай Михайлович Калифулов, 2017

ISBN 978-5-4474-9611-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я вернулся из командировки под утро. Мне не терпелось узнать у Бориса результаты последних скачек. Я вышел за порог дома. Погода была по-летнему солнечная. Повсюду щебетали воробьи. Дрозд заливался весёлым свистом сидя на ветке вишни. Настроение было чудесное. День обещал быть весьма многообещающим.

Я неторопливым шагом двинулся к дому напротив. Входная дверь была не заперта, я вошёл в дом.

На столе лежала записка, написанная на клочке бумаги торопливым почерком:

«Я видел как „Алмаз“ тяжело преодолел последний барьер. Перед финишем его обошли две лошади. Трибуны взорвались. Я проиграл».

Заглянув через дверной проём в соседнюю комнату, мне предстала страшная картина: скорченное, окровавленное тело покоилось на полу, в руке пистолет, на виске запёкшаяся кровь. Было ясно, что смерть наступила мгновенно.

Борис никогда не говорил мне, что у него есть оружие. Для меня это стало новостью. Справившись с волнением, я немедленно позвонил в полицию.

Стоя посреди комнаты, я смотрел на труп Бориса и думал: «Какую величайшую глупость он совершил? Что же такое произошло и подтолкнуло его на безрассудный шаг? Но ни

деньги же? Они этого не стоят, чтобы добровольно покинуть этот безумный, но чудесный мир».

Я знал, что Борис руководил коммерческим банком, был финансистом и вращался среди дельцов, зарабатывал на каких-то сделках. Дела шли в гору, и я не вникал в его бизнес. Он любил жизнь и прожигал её по-своему. Борис был склонен к авантюрам, бросался в полымя сомнительных сделок. Успех сопровождал его почти всегда и везде. Были и мелкие неурядицы, но они были редки и незначительны. В такие периоды жизни он ходил хмурый. Я предостерегал его не принимать опрометчивых решений. Его могли в любой момент подставить те люди, с которыми он в последнее время часто общался. Их жизненным критерием были только деньги, а такие простые человеческие качества, как честность, порядочность, поддержка и взаимовыручка – полностью отсутствовали. Но Борис не прислушивался к предупреждениям, не принимал всерьёз мои слова. «Вечно ты сгущаешь краски», – говорил он.

Мы были холостяками, и соседями. Некоторые наши интересы совпадали, и это сближало нас. В основном это касалось лошадей. Мы часто заходили друг к другу попить кофе, или что-то покрепче. Вели продолжительные непринуждённые беседы. Но теперь всё это закончилось одним выстрелом.

Полиция приехала быстро, но для меня этот отрезок времени был томительным. Процедуры с осмотром места про-

исшествия и допросом заняли не менее трёх часов. После этого они закрыли дом и опечатали, а меня отпустили.

Мне уже звонили с работы и напомнили, что я участвую в послеобеденном заезде лошадей трёхлеток, поэтому торопился на ипподром. Меня дожидался первоклассный жеребец «орловской породы» вороной масти.

«Пепел» в отличном настроении выбежал из паддока, чуть касаясь земли, легко понёс меня к старту, грациозно пританцовывая галопом и мотая головой.

Это был хороший признак. Но иногда у него было плохое настроение, он без особого желания подходил к месту старта, а затем после звука колокола пассивно стартовал и не спешил к финишу.

Сегодня «Пепел» был просто великолепен на скаку. Он двигался на препятствие ровно, без усилий, совершал очередной прыжок аккуратно и своевременно, словно по классической схеме, и не нуждался в содействии наездника. После преодоления первого барьера я почувствовал, что жеребец резвый, его бег плавный. Скакать на нём было одно удовольствие. «Пепел» преодолел весь круг, не ускоряя темпа. Перед последним препятствием, я дал ему шенкеля и качнул поводок. Он перелетел барьер с лёгкостью птицы и далеко приземлился на противоположной стороне, легко оставив

позади остальных лошадей. «Пепел» проворно мчался вперёд, невероятно энергичный после сложной дистанции. Я, насколько мог, пытался поддержать тот стремительный темп, который он избрал. Мы финишировали в одиночестве под громкие крики и аплодисменты зрителей на трибуне.

В паддоке, я спрыгнул с жеребца и отстегнул подпругу. «Пепел» был не уставший и вёл себя спокойно. Я погладил рукой по блестящей чёрной шее, увидел, что он почти не вспотел. К нам подошли несколько человек. Послышались поздравления. С улыбкой на лице, я махнул им рукой, подхватил седло и пошёл переодеться. Ко мне подошла Анжела – владелица жеребца «Пепел». – Савелий, вы просто молодец! – радостно вымолвила она.

Я вежливо кивнул, приветствуя её, и улыбнулся.

– Сегодня «Пепел» в ударе, – сказал я. – Он всё сделал сам, я ему не мешал.

– Скоро будут вручать приз, – напомнила она.

– К этому времени я подойду, – пообещал я и отправился в административный корпус. Я привёл себя в порядок и пошёл принимать поздравления.

Основной денежный приз и кубок «Серебряная подкова» получила владелица жеребца «Пепел» – Анжела Бельская. Мне же досталась небольшая денежная премия. Анжела старалась не ущемлять меня и из своих премиальных выделяла дополнительные субсидии. За это я был весьма благодарен.

Мы с ней встречались часто. У неё в конюшне всегда

находилось от пятнадцати до двадцати взрослых лошадей. От одних лошадей она с лёгкостью избавлялась на аукционе, а других, как ей казалось более перспективных – покупала. Я один из немногих жокеев, кому она доверяла своих лошадей. В большинстве своём я оправдывал её надежды, занимая призовые места на соревнованиях по конному спорту с препятствиями. Наши беседы ограничивались только темой коневодства. Она всегда прислушивалась к моему мнению. Между нами сложилось взаимное уважение и доверие. Она мне нравилась. Одно время я пытался за ней приударить, но она вежливо отклонила мои ухаживания. И я понял, что я не мужчина её мечты. Я знал, что у неё был опыт неудачного замужества. И поэтому она несколько скептически относилась к мужчинам. Мне стало известно, что Анжела нравилась Борису, и даже у него возникли к ней глубокие чувства. Похоже, она отвечала взаимностью. Видя, что сегодня у неё хорошее настроение, я решил не говорить ей о смерти Бориса. Позже сама узнает.

Анжела была потрясающей женщиной. У неё были белокурые волосы, плавными волнами ниспадавшие на плечи, высокий лоб, большие лиловые глаза, тонкий нос, решительно сжатые губы... Её фигура внесла бы смятение в душу самого безупречного мужчины: очень длинные ноги и пышная грудь. Она была в сиреневой блузке, белых брюках для верховой езды, и в начищенных до блеска фиолетовых сапогах. От неё всегда исходил волнительный запах французских ду-

ХОВ.

Анжела попросила меня подойти к тому месту, где проходил небольшой аукцион. На продажу были выставлены несколько лошадей. Анжела стояла, облокотившись на перила, и поглядывала на парадный круг, по которому водили лошадей. Она показала рукой на лошадь изабелловой масти.

– Мне нравится это прекрасное создание, – сказала она, глядя на кобылу с красиво изогнутой шеей и высоко поднятой головой. Её красивое тело покрывала шерсть цвета топленого молока, кожа на всём теле розовая, глаза голубые, круп выпуклый. Редкая окраска, генетически связанная с соловой и буланой мастью.

На первый взгляд лошадь была неплохая. Но у меня тут же зародилось сомнение, и я его высказал: – Лошадь красивая, но чересчур жирная. Вероятно, она отъелась, её берегли и редко выводили на прогулку. Если её заставить что-либо делать, она просто не выдержит и протянет ноги.

Анжела грустно вздохнула.

– Лошади как люди полны противоречий, одни из них кажутся великолепными, а по сути – пустое место, а великолепные кажутся мелочью.

– Это бывает, но не всегда, – сказал я. – Тебе надо пройти курс обучения, по теме: «О воспитании скаковых лошадей и приготовлении их к скачке».

– Я уже столько перечитала специальной литературы, что всё остальное пойдёт лишь во вред, – проговорила она. –

Лучше я спрошу совета профессионала. – Она искоса взглянула на меня. – Надеюсь, ты мне не откажешь?

– Не имею такой привычки, – проронил я.

Мы засмеялись.

– Вот и прекрасно, – сказала Анжела.

Я посмотрел на очередную лошадь, которую вывели в круг. Эта была рыжая, унылая кобыла, за которую никто не дал даже начальной цены, несмотря на все усилия служащего проводившего аукцион.

Предупредив Анжелу, я быстро двинулся в конюшню, чтобы посмотреть жеребца по кличке «Алмаз». Он значился в списке лошадей выставленных на продажу. Скоро его должны были вывести в круг. Я помнил, что «Алмаз» упоминался в записке, найденной в доме Бориса. Я подошёл к жеребцу и с разрешения тренера пощупал ноги, осмотрел зубы и глотку и, вернувшись к Анжеле, сообщил, что жеребец прекрасный.

Когда тренер вывел «Алмаза» в круг, я был восхищён его великолепием. Это был гнедой жеребец чистокровной породы «английская – скаковая». Он был доведён до высшей степени совершенства для выполнения единственной цели – скакать вперёд и как можно быстрее. По истине, жеребец соответствовал своему превосходному имени. Я видел, как загорелись глаза Анжелы и понял, что она купит его за любую цену.

Вдруг позади себя я услышал пренебрежительный муж-

ской голос: — У него ноги длинноватые по сравнению с общими пропорциями тела.

— Конечно, может быть внешне это не совсем идеально, — согласился я. — Но у таких лошадей существуют свои достоинства.

— Какие? — с удивлением осведомился он.

— Очень часто из таких экземпляров получаются отличные лошади для барьерных скачек, — ответил я.

— Неужели. А я не знал.

«Алмаз» мотнул головой и обвёл присутствующих зрителей беспокойным взглядом. Это был признак капризного нрава. Затем он сделал несколько шагов назад, потянув за собой служащего и неожиданно встав на дыбы, заржал. Его в несколько приёмов успокоили. Жеребец, неохотно подчинившись, продолжил движение по кругу. Что—то ему не понравилось? А может быть кто—то? Лошади очень чутко реагируют на присутствие людей относящихся к ним враждебно. Я обратил внимание на мужчин стоящих близко к кругу. Они что—то обсуждали. Мой взгляд остановился на крайнем из них. Человек очень маленького роста прищурился глазами, с явной злобой смотрел на жеребца. Это был жокей по имени Заур, но за глаза его называли уничижительным прозвищем — «Карлик».

Я повернулся к Анжеле. — Ты видела последнюю скачку с участием «Алмаза»?

— Да, — ответила она. — Я думала, что он придёт первым.

Он мчался в полном задоре, но пришёл вторым. Я была удивлена. Не знаю, что с ним произошло.

– А кто был наездником?

– Заур, – проронила она. – Гадкий тип. В тот день я увидела, как он ударил хлыстом по морде лошади. «Алмаз», сбросив его, убежал в конюшню.

– А владелец лошади – видел?

– Нет. Он находился в здании.

В это время служащий ведущий аукцион расхваливал жеребца, его историю и происхождение.

– Итак, его цена сто пятьдесят тысяч, кто больше? Сто пятьдесят за такого коня – это же не деньги! Давайте, давайте!

– Сто шестьдесят... сто семьдесят... сто восемьдесят... двести тысяч...

– Я его куплю, – сказала Анжела и посмотрела на меня.

Служащий аукциона накалял страсти.

– Двести двадцать тысяч... двести тридцать...

– Ещё минута и будет поздно, – сказал я.

– Двести сорок тысяч... может быть, двести пятьдесят тысяч? Спасибо, уважаемый. Двести семьдесят – против вас, сзади! Двести восемьдесят... двести восемьдесят тысяч раз...

– Так покупайте же! Иначе упустите...

Анжела вздохнула и подняла руку. – Триста тысяч!

Аукционист подхватил: – Триста тысяч! Новый покупа-

тель! Есть желающие! Продано – раз... два.... Желающих больше нет? Продано Анжеле Бельской за триста тысяч.

– Это меньше, чем я хотела сегодня потратить, – сказала она.

– Рад за вас, – произнёс я. – Жеребец перспективный, если с ним поладить, то он себя ещё покажет и окупит все затраты.

Она одарила меня сияющей улыбкой, вынула из кармана смартфон и стала кому—то звонить...

Потом с хмурым видом выпалила: – Опять его телефон не отвечает.

Анжела взяла меня за руку. – Савелий, пожалуйста, найди моего водителя и попроси его пригнать машину под загрузку «Алмаза» и «Пепла», а я пока оформлю документы на покупку жеребца.

– Хорошо, Анжела, – произнёс я и направился искать водителя.

Пока я вышагивал по пыльной дороге в сторону стоянки грузовых автомобилей, я опять вспомнил о записке Бориса, и задал себе вопрос: Почему такой великолепный скакун не пришёл на финиш первым? Наверное, на то были причины. «Алмаз» был недостаточно подготовлен. Усталость и нервозность, тоже могут повлиять. Может быть, здесь кроется что—то другое? Предположим «Алмаз» в порыве спортивного задора усердно рвался к финишу, а Заур намеренно его придерживал. Отсюда вытекает нервозное поведение жеребца после скачки и попытка неподчинения жокею. Я пой-

мал себя на мысли, что в последней гипотезе есть что-то похожее на истину, и я стал вспоминать всё, что было известно о «Карлике».

Заур Абдулин, фигура в спортивных кругах конного спорта весьма приметная. Я был знаком с ним пять лет. Он приехал в наш город откуда-то из среднеазиатского региона. На вид ему было чуть более тридцати лет. У него были черты лица монголоидного типа. Заур был смуглый, маленький, кривоногий. Несмотря на свой рост, был очень ловок и подвижен. Глаза узкие с косинкой. Когда он смотрит в лицо, трудно понять, глядит он на тебя или в сторону. Заур был мастером, опытным жокеем. На коне держался уверенно. На скаку мог показывать разные цирковые штучки, которые я со своим опытом профессионального наездника, выполнить не мог. Часто лошади под ним становились призёрами больших турниров. Я не знал его семью, где живёт и с кем дружит. Заур был осторожный, близко ни с кем не сходил-ся, ко всем относился одинаково ровно. Он любил лошадей, поэтому его внезапная агрессия к «Алмазу» выглядела, по меньшей мере, весьма странной.

К моему удивлению на стоянке грузовых автомашин я столкнулся с Зауром. Он протянул мне руку. Я сухо пожал.

– «Пепел» великолепно финишировал, – сказал он без эмоций и с непроницаемым видом. – Поздравляю.

– Спасибо, – буркнул я и спросил: – Как ты оцениваешь «Алмаза»?

Он мгновенно взглянул на меня и отвёл взгляд.

— У него есть потенциал, но конь очень своенравный, — сказал он. — Общего понимания я с ним не нашёл. Может быть, у тебя с ним будет по—другому.

— Не надо было бить его по морде, — откровенно заявил я.

— Я не бил, — вдруг резко выпалил он.

— Не ври, — изрёк я. — Люди видели.

— Какие? — повысил он голос.

— Неважно.

— Им показалось, — недовольно пробурчал он, пожал плечами и зашагал в сторону конюшен.

Я посмотрел ему вслед, покачал головой и направился к знакомому водителю, который копался возле трапа микроавтобуса «Ivesco Dally» для транспортировки лошадей.

Водитель, стройный красивый парень, по имени Олег с улыбкой приветствовал меня. Я передал ему просьбу Анжелы. Он торопливо убрал трап, сел в машину и поехал в сторону конюшен. Я проводил его взглядом и подумал, что на ипподроме оставаться нет смысла. Скачки закончились. Народ повалил к выходу. Часы показывали без четверти пять.

Я пошёл к своей машине. Мой новенький «мерседес» стоял в ряду с иномарками, многие из которых уже покидали автостоянку. Я сел в него, включил приёмник: передавали результаты скачек. Слушая новости, я взглянул в зеркало, в отражении на меня смотрел спортивного вида коротко стри-

женный брюнет с синими глазами на смуглом лице, боксёрским носом, плотно сжатым ртом и мощным подбородком. Многие отмечали у меня, умные проницательные глаза. Я им не возражал. Мне уже тридцать семь, но выглядел не старше тридцати. Отнюдь это не моё личное суждение, а мнение поклонниц. Моя физиономия мрачна. Брови озабоченно нахмурены. В моём сердце боль от тяжёлой потери друга.

Я причесался, запустил двигатель и тронулся с места. Выехав за ворота, и преодолев несколько поворотов, я очутился на центральной улице загруженной движением автотранспорта.

Я ехал, изредка бросая взгляд по сторонам. Мелькали красочные афиши, вывески и баннеры созывая клиентов. Я подумал о том, что в нашем городе каждый магазин, косметический салон или фирма стараются превзойти конкурентов, потому что доходы населения уменьшаются, покупательский спрос падает. В ход идёт любая реклама, пиар—компания или коммерческая схема, чтобы заставить выложить свои кровные обычного обывателя, заморочить ему мозги, всучить косметический набор, либо ещё какую—нибудь красивую штучку, которые покупателю задарма не нужны.

А есть любители пускать пыль в глаза, выставляют напоказ своё богатство, а по сути, играют свою роль, влезают в доверие, обманывают и обкрадывают доверчивых граждан. А потом с набитыми бумажниками спускают эти деньги в ресторанах, казино и тотализаторах, бессмысленно прожигают

жизнь.

В общем, жуликов и проходимцев в нашем городе хоть пруд пруди. Полиция, конечно, борется со всяким деклассированным элементом, усердно переписывает ворох бумаг с отчётностью, ведёт непримиримую борьбу с этим злом, но искоренить не в состоянии.

Маневрируя среди машин, я думал о жизни и смерти. В моей памяти возникло добродушное приветливое лицо Бориса. Я вспомнил его слова: «У меня намечается сделка, после которой я буду абсолютно независим». Они были сказаны в тот день, когда я уезжал в командировку. Через двое суток его не стало. Зная Бориса достаточно хорошо, я отверг мысль о самоубийстве. Сомнение, закравшееся в мою душу, не давало покоя.

Глава 2

Я очнулся от размышлений и нажал на тормоз перед поворотом налево, пропуская встречную вереницу машин. Свернув на центральную улицу, я въехал в современный посёлок, состоящий из двухэтажных особняков. Через семьсот метров я припарковался возле своего дома. Вблизи калитки меня дожидался приятель Вадим Боев, с которым я служил в армии. Это был среднего роста крепкого телосложения шатен. Вытянутое лицо, высокий лоб с залысиной, серые глаза, чуть искривлённый нос. Был одет в серую рубашку и широкие темно—серые брюки. В настоящее время он работал в местном авиаотряде в качестве пилота вертолёта «Robinson R44». В руках он держал сумку.

Мы поприветствовали друг друга, и я пригласил его в дом. Боев был хмурый. Его что—то тяготило. Поговорив о житейских пустяках и выпив по бокалу сухого вина, Вадим, наконец, сказал главное: — Тут, вот какое дело. У начальника авиаотряда Виктора Крылова пропала дочь Анна. Я выяснил, кое—что. Оказывается, она встречается с Борисом Савиным.

Я удивлённо пожал плечами.

— А я здесь причём?

— Дело не в тебе, а в твоём соседе, — сказал он. — Борис морочит ей голову уже год, а жениться не хочет.

– Я впервые слышу, что Борис собирался на ком—то жениться, – заявил я, а сам вспомнил об Анжеле, с которой у него были серьёзные отношения, но ещё я видел Бориса с молодой девушкой, и добавил: – Правда, однажды я встретил его в городе с красивой рыжеволосой девушкой. Я полагаю, они встречались в его городской квартире. На мой вопрос: кто она? Он ушёл от ответа, а я не стал ему докучать.

– Так может быть она сейчас у него?

– Этого не может быть. Борис умер, – сообщил я и рассказал ему всё, что знал.

– Кажется, Анна попала в беду, – изрёк он. – Она не ночует дома уже третью ночь. Отец волнуется. Её мобильник не отвечает.

– Так может быть, она живёт в квартире Бориса, – предположил я.

– Ты знаешь адрес? – спросил Боев.

Я утвердительно кивнул. – Два года назад, Борис просил помочь перевезти кое—какие вещи, – сообщил я. – Адрес я запомнил.

Боев встал с кресла. – Поехали, – предложил он. – Проверим квартиру.

Мы вышли из дома, сели в мою машину и поехали. Через двадцать минут мы подрулили к знакомому дому на улице Горького. Оставив машину, мы двинулись к подъезду. Входная дверь была заперта на кодовый замок. Набрав номер квартиры, я нажал на кнопку вызова. Ответа не по-

следовало. Пришлось немного подождать, пока из подъезда не вышел пожилой мужчина. Воспользовавшись этим обстоятельством, мы вошли в подъезд. Игнорируя лифт, мы по лестничному пролёту поднялись на второй этаж и оказались в длинном коридоре, где было множество квартир. Я подошёл к знакомой двери и надавил на кнопку звонка. Дверь не открывали, но из квартиры донёсся неясный звук. То ли стон, то ли плач. За дверью происходило что—то нехорошее.

Я посмотрел на Вадима. – Что будем делать?

Боев держал в руках зелёную тряпичную сумку с каким—то грузом.

– Всё что нужно, ношу с собой, – в полголоса произнёс он. – У меня есть кое—какой опыт открывания дверей.

Боев попросил меня подстраховать его на случай внезапного появления ненужного свидетеля. Я отошёл в сторону, а он тем временем стал возиться с дверным замком. Через пару минут он махнул мне рукой.

– Готово, – тихо буркнул он.

Я приблизился к квартире, и мы поменялись ролями. Боев остался на площадке, а я, приоткрыв дверь, осторожно вошёл внутрь.

Крадучись, я приблизился к двери большой комнаты и заглянул. Передо мной возник среднего роста парень кавказской наружности – типичный абрек. У него были чёрного цвета волосы, худое небритое лицо и орлиный нос. Тёмные

глаза сверкали, словно чёрные бриллианты, — холодно и бесстрастно.

— Это ты звонил? — с чеченским акцентом, спросил он.

— Нет, это Карлсон!..

— Шутишь, шакал, — спокойно произнёс он и, размахнувшись, попытался заехать мне в лицо.

Я вовремя уклонился, и нанёс ему концентрированный удар в челюсть. Он отлетел на пару шагов назад и остался лежать на полу. Я огляделся, повсюду валялись окурки, пустые бутылки и прочий мусор.

Я прошёл в соседнюю комнату. Шторы на окнах были неплотно задёрнуты. На кровати лежала обнажённая девушка с крашеными рыжими волосами. Я её узнал. Анна глядела на меня бессмысленными глазами. Похоже, она была под воздействием наркотиков. Я осмотрел её вены. Они были исколоты. Анна выглядела плохо: бледное лицо, распухшие губы от побоев, гематомы на теле.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я. — Где твоя одежда? Девушка промямлила что-то невнятное.

Мне стало понятно, что с ней говорить бесполезно. Я осмотрел комнату, под кроватью нашёл жёлтую блузку, чёрную юбку и туфли. Кажется, эти вещи принадлежали ей.

— Ты сможешь сама одеться? — спросил я.

Анна взяла в руки блузку и попыталась надеть, но не смогла. Я помог ей одеться. Через несколько минут, она выглядела более—менее сносно, чтобы можно было появиться

на людях.

Я взял её за руку и потянул за собой на выход, но в комнату вошёл абрек. На его лице появилась мерзкая ухмылка, в правой руке длинный столовый нож. Девушка в испуге замерла, а я оценил обстановку.

– Ах ты, шакал! – зарычал он, сверкая глазами. – Сейчас я выпущу тебе ливер!

Я принял мужественный вид, хотя мне стало тревожно.

– Брось нож! – крикнул я.

Абрек уверенно бросился на меня. Я отбежал назад к кровати. Девушка отскочила к окну. Я схватил подушку и швырнул. Он отбил её и несколько секунд стоял в замешательстве. Я ухватил двумя руками с подоконника горшок с кактусом и запустил в него. Горшок пролетел в сантиметре от его головы, успев чиркнуть щёку своими иглами. Абрек заревел в бешенстве и с удвоенной энергией налетел на меня. Я лишь успел отбить его правую руку с ножом, и в этот момент, он сбил меня с ног. Мы оба рухнули на пол. Он оказался сверху и левой схватил меня за горло, стал душить. Я задыхался, чувствуя железную хватку, и ухватился двумя руками за его руку, чтобы освободить шею. Одновременно он занёс надомной правую руку с ножом, чтобы прикончить меня одним ударом. Пытаясь отбиться, я успел выбросить вперёд левую руку. По моей руке чиркнуло остриё, и брызнула кровь. Жало ножа не достало меня, мешала моя рука. Сквозь шторы пробились струи заходящего солнца. Абрек взмахнул рукой

ещё раз, в луче солнца блеснуло лезвие. «Всё кончено», — пронеслось у меня в голове, и я заорал: — Вадим—и—м!..

И тут Боев влетел в комнату. Быстро оценив обстановку, он метнул нечто тёмное и круглое в абрека, тот закричал от боли и выронил нож. В следующее мгновение Вадим мощным ударом кулака пригвоздил его к полу. Всё это заняло какие—то секунды.

Вадим взял меня за руку и рывком поставил в вертикальное положение.

— Я вовремя услышал крик... Тебе, кажется, пришлось нелегко? — спросил он.

Вытирая платком окровавленную руку, я, заикаясь от перевозбуждения промычал: — Похоже, этот п—парень конченный наркоман и не понимает, что творит.

Он оторвал кусок простыни и перевязал мне руку. Я выдавил из себя улыбку.

— Благодарю, Вадим. Без преувеличения, ты спас мне жизнь. Я в долгу перед тобой. Запомни, я буду рад помочь тебе в любое время.

Вадим кивнул и промолчал. Из угла комнаты послышалось всхлипывание. Мы одновременно повернули головы. Анна, сжавшись в комочек плакала.

— Слава Богу, мы её отыскали, — с удовлетворением изрёк Вадим.

Я, соглашаясь, кивнул. — У неё вены исколоты. Она наркоманка.

– Мне об этом известно. Она состоит на учёте в наркологическом диспансере.

Я взглянул на абрека, лежащего в неестественной позе. – Кажется, ты его убил. Чем ты ему заехал?

Вадим опустилсЯ перед ним на корточки и пощупал запястье. – Пульс есть. Скоро очнётся.

Он поднял с пола увесистый шар.

– Этот металлический шарик, главный инструмент трубочиста, – пояснил Вадим. – Прежде чем приехать к тебе, я взял его у одного рабочего, чтобы прочистить дымоход в родительском доме. Как видишь, пригодилось.

– Надо вызвать полицию, – предложил я. – За наркотики и насильственное удержание девчонки абреку светит приличный срок.

Вадим отрицательно покачал головой. – Не надо полицию, – сказал он. – Будет много шума. На страницах газет появится фамилия моего начальника, а он известен не только в нашей области, но и в столице. Если мы это допустим, то шеф не простит и лишит меня любимой работы.

– Ну, хорошо, – согласился я. – Что будем делать с абреком?

– Предлагаю обоих отвезти к её отцу, – сказал Вадим. – Пусть сам решает, что с ними делать.

– Пожалуй ты прав, – произнёс я. – Не оставлять же абрека в этой квартире.

Вадим оглядел комнату. – Неплохая квартира. У Бориса

есть наследники? — осведомился он.

— В том—то и дело, что нет, — изрёк я. — Он детдомовский.

— Значит, всё добро отойдёт государству.

— Похоже, что так.

Вадим связал руки абреку и стал приводить в чувство. Спустя четверть часа мы покинули квартиру. Дверной замок был английский, ключ я не нашёл и мне пришлось просто захлопнуть дверь. Когда вышли на улицу, уже смеркалось. Прохожих было мало. Абрек попытался вырваться, но Вадим его быстро успокоил. В машине он вёл себя тихо, и что—то бубнил вполголоса на своём языке.

Через полчаса мы доставили Анну и пленника к дому Виктора Крылова. Площадка перед домом была хорошо освещена. Нас встретил выше среднего роста мощный мужчина с седыми висками, загорелым лицом и голубыми глазами. На мой взгляд, ему было лет под пятьдесят.

Когда мы вывели из машины Анну и абрека, лицо Крылова сразу окаменело. Он сверлил их горящими от злобы глазами. Похоже, его чуть не хватил удар. Я подумал, что у него сейчас произойдёт разрыв аорты, лицо набухло, покрылось пятнами, глаза налились кровью и полыхали мрачным огнём.

Вадим Боев придвинулся к нему вплотную и вполголоса стал излагать наши приключения. Крылов слушал, сжав кулаки и прищулив глаза. Всё выслушав, он приблизился к пленнику и, наклонив голову набок, стал внимательно его разглядывать.

– Ну что ж подонок, – сказал он негромко. – Я же тебе говорил, чтобы ты не подходил к моей дочери. А ты никак не угомонишься. Теперь ты в моих руках.

Абрек нагло ухмылялся ему в лицо. – Если ты меня тронешь, я зарежу тебя.

Оскалив зубы, Крылов нанёс сильнейший удар абреку под сердце. Абрек, пошатнувшись, упал на колени. Крылов сделал шаг вперёд и резко рубанул его по шее. Тот рухнул на бетонку лицом вниз.

В это время в доме открылась входная дверь, и женская фигура в домашнем халате выпорхнула на крыльцо. Она побежала к девушке, взяла её за руку и молча увела в дом.

Крылов поблагодарил меня за помощь. – Если вам понадобятся мои услуги, я бесплатно доставлю вас на вертушке в любое место в нашем регионе, – проговорил он и взвалил на себя абрека.

– Спасибо.

Я почесал затылок. – А что вы хотите с ним сделать?

– Не бойся. Руки марать об него не буду, – изрёк он. – Завтра сдам в полицию. А до утра пусть посидит в сарае.

Я удовлетворённо вздохнул.

Вадим хлопнул меня по плечу. – Ладно, я пока здесь задержусь, – сказал он.

Мы попрощались, и я сел в машину и поехал домой.

Прошло три дня. Гроб с телом Бориса опустили в могилу.

Священник прочитал заупокойную молитву. На могилу возложили венки и цветы. На прощании было не более десяти человек. Я знал всех присутствующих за исключением женщины в траурной одежде, лет тридцати, на которую я обратил внимание после процедуры захоронения. Она проходила мимо меня, направляясь к выходу. Опущенные уголки тонкого рта придавали её бледному лицу выражение не то скорби, не то насмешки. Тёмные, тщательно уложенные волосы до плеч слегка курчавились на концах. На ней были чёрные брюки и блузка, плотно облегающие красивую фигуру.

Я поздоровался и изобразил на лице одну из своих самых вежливых и обаятельных улыбок. В ответ она не только не улыбнулась, но и не поздоровалась. Я проводил её разочарованным взглядом и увидел, как возле ворот кладбища её дожидался бордовый внедорожник. Она села рядом с водителем и машина тут же скрылась из виду. На кладбище я задержался ненадолго, так как спешил на скачки.

На ипподроме меня встретила Анжела Бельская. Когда я подошёл, она была бледная и в подавленном состоянии духа, и я понял, что она знает о смерти Бориса. Она пыталась взять себя в руки. Мы находились на огороженной площадке около скаковой дорожки, где перед заездами, лошадей готовят к скачке. Мы смотрели, как её коня водят по кругу. Голова у гнедого была низко опущена. Было видно, что «Алмаз» тоже не в настроении.

Конюх подвёл гнедого ко мне и ловко посадил меня.

«Алмаз» встрепенулся, замотал головой, почувствовав на себе вес всадника и предвкушая скачку. Я погладил ему шею, наклонился и прошептал на ухо ласковые слова. «Алмаз» слушал не двигаясь.

Анжела попыталась изобразить улыбку, но это у неё не получилось. – Кажется, ты ему нравишься, – сказала она. – Желаю удачи!

– Спасибо! – бодро ответил я.

Настроение жеребца улучшилось. Я ощутил это сразу, как только оказался в седле и сунул ноги в стремяна. Мы направились на скаковую дорожку.

В скачке учувствовало восемь лошадей. В то время когда зачитывали список, мы дожидались заезда. Некоторые жокеи кружили у старта и подтягивали подпруги, другие, замерли в ожидании. Наконец, мы выстроились в линию. Прозвучал колокол.

Эти скачки обещали хорошее зрелище и выгоду – денежный приз был особенно велик. Спонсором была фирма владельцем, которой был местный олигарх и депутат. В последнее время его физиономия мелькала на афишах, в газетах и на телеэкранах. Надвигались очередные выборы, поэтому можно было понять его устремления.

Я погладил шею гнедого, и мы начали скачку.

«Алмаз» не напрягался, держался в середине. Необходимо было преодолеть две тысячи четыреста метров. Расстояние между препятствиями составляло двести пятьдесят –

триста метров. Барьер представлял собой легко падающие плетёные изгороди. Первое препятствие (хердели) высотой один метр он взял без всякого напряжения. Он скакал галопом, но выкладываться в полную силу пока не собирался. Скакуны вытянулись гуськом. Мы оказались третьими с хвоста, а соперники уходили всё дальше. Впереди ещё семь препятствий. Приближаясь к следующему барьеру, мой жеребец замедлил движение, будто испугался, но взял препятствие и приземлился с опущенной головой. Другой, менее опытный жокей наверняка вылетел бы из седла, но я удержался, крепче обхватив ногами коня. Я мельком взглянул на часы. Мы серьёзно выбивались из графика.

И тут, его будто пчела ужалила. «Алмаз» начал увеличивать темп. Он мчался ровным галопом. Его охватил прилив боевого духа. Я видел, что мы сильно отстали. Догнать соперников было непросто. Полнейшая безнадёга. «Но ведь надежда, умирает последней», – думал я. «Надежда творит чудеса, а вера в победу делает возможным то, что на первый взгляд кажется невозможным».

Разрыв между нами стал постепенно сокращаться. Но когда мы приблизились к предпоследнему препятствию, мы всё ещё отставали от коня, устало плетущегося в хвосте. Мы обошли его, преодолев очередной барьер. Впереди три лошади, ещё не вымотанные продолжительной скачкой, готовых в любое время к финишному рывку. Все они преодолели последнее препятствие раньше нас. «Алмаз» перелетел пре-

пятствие словно птица. Приземлившись далеко за барьером, он поскакал вперёд проворно и стремительно. Всего каких—то двести пятьдесят метров до финиша...

Сквозь свист ветра до меня доносились крики с трибун. «Алмаз» прижав уши, напористо мчался галопом, стремясь к очередной победе. Я прислонился к шее жеребца, накрепко стиснув поводок, напряжился и замер, давая ему возможность действовать свободно, подгоняя его лишь мыслями и лёгким движением поводка. Соперники, похоже, уже выдохлись. Последние двести метров их явно утомили. «Алмаз» словно ураган пронёсся мимо них. Жокей, скакавший впереди, очевидно решил, что победа у него в кармане, ослабил поводок. «Алмаз» внезапно обошёл его перед самым финишем и выиграл скачки, о чём свидетельствовал радостный рёв толпы на трибунах.

Анжела, улыбаясь, встретила меня в паддоке. Я спрыгнул с жеребца, погладил его взмокшую подрагивающую шею и передал поводок тренеру.

Анжела приблизилась ко мне. — Со стороны выглядело эффектно, — произнесла она. — Поздравляю!

— Я тебя тоже, — сказал я, ещё не вполне осознавая победу. — Сегодня, ты сорвала крупный куш. «Алмаз» чудесным образом показал, что он стоит втрое дороже затраченных на него денег.

— Ты прав, Савелий. Чтобы я делала без твоей помощи.

— Значит, мне тоже перепадёт «хлеб с маслом».

– Двести тысяч тебе обеспечено.

– Благодарю, – сказал я, вполне удовлетворённый.

Я пошёл в административный корпус, переоделся и отправился принимать поздравления.

После всех приятных процедур ко мне подошёл Боев и тоже меня поздравил, но по его виду я понял, что он пришёл ко мне не за этим.

– Вадим, что произошло? – спросил я.

Мы отошли в сторону, и он сказал: – Крылов попал в больницу.

– Что с ним?

– Он получил ранение. Это произошло возле его дома. Абрек просидел у него всю ночь в сарае. Там он видимо нашёл острый предмет и когда Крылов открыл сарай, чтобы отвезти его в полицию, тот нанёс ему удар и скрылся.

– Кстати как зовут абрека? – спросил я.

– Мурат Мурзаев.

– И что теперь?

– Полковник Стеблин рвёт и мечет. Он накинулся на меня и обвинил, что я виноват в том, что привёз Мурзаева в дом Крылова. Стеблин сказал, что когда обнаружили дочь Крылова в обществе Мурзаева, надо было вызвать полицию. Теперь я задал им дополнительную работу.

– Похоже, эта история наделает немало неприятностей.

В этот момент зазвонил телефон. Я вынул смартфон из кармана.

– Алло!

– Это Савелий Збруев? – услышал я женский голос.

Такой голос любого мужчину сведёт с ума. Он вызывает в их представлении образ красивой элегантной женщины, которую с удовольствием можно было бы пригласить на чашечку кофе...

– Кто это?

– Моё имя Инесса Зеленская. Я пыталась дозвониться к вам домой, но потом позвонила на ипподром и мне сообщили номер вашего мобильного.

– Так, что вы хотите?

– У меня на руках завещание на ваше имя. За сутки до кончины, Борис Савин нотариально заверил его, и отдал мне на хранение. Мне хотелось бы исполнить последнюю волю Бориса.

– Что за чушь? Я видел Бориса за двое суток до его смерти, и он ничего не говорил о своём намерении.

– Вот именно, что за двое суток... обстоятельства резко изменились, и он решил оформить завещание на вас.

– Всё это странно выглядит.

– Здесь нет ничего странного. Он мне говорил, что вы однажды спасли ему жизнь, вовремя вытащив из реки. Он ведь не умел плавать. Было такое?

– Ну, было. Что из того?

– Он мне много раз говорил, что своим спасением он обязан именно вам. Поэтому его завещание это своего рода знак

благодарности.

– Удивительно, зачем это ему понадобилось? И кто вы такая?

– Не тратьте время на бесполезные расспросы, приезжайте скорее. Удовлетворить своё любопытство вы сможете позже.

– Где вы находитесь?

– На Знаменке, – сказала она, и назвала улицу. – Дом расположен в уединённом месте, и я прошу вас приехать сюда как можно быстрее.

– Постараюсь быть у вас через четверть часа.

– К дому ведёт узкая дорога через посадку. Ворота вы найдёте открытыми.

Она вдруг замолчала. Я подождал немного, затем произнёс в телефон: – Алло!

– Мне было слышно возбуждённое дыхание моей собеседницы, но она молчала.

– Алло! Савелий!..

Послышалась какая—то возня, и линия связи разъединилась. Я нажал кнопку вызова, но телефон абонента был отключён или вне зоны досягаемости.

Борис в разговоре со мной никогда не упоминал о ней. Имя Инессы Зеленской я слышал впервые.

Глава 3

Посёлок Знаменка находится недалеко от ипподрома. В мерседесе мы мчались по хорошей дороге. Боев сидел рядом и молчал. Я старался не нарушать ограничения по скорости.

– Вадим, меня беспокоит этот разговор, который так внезапно прервался, – произнёс я.

– Ничего особенного. Это иногда бывает, особенно когда забываешь зарядить аккумулятор на мобильном телефоне.

– Мне кажется, кто—то вошёл во время нашего разговора, и ей просто не хотелось, чтобы посторонний услышал.

– Вечно ты всё преувеличиваешь! Она просила, чтобы ты приехал быстрее. Значит, куда—то торопится. Обычно в таких случаях женщина делает сразу два дела: разговаривает по телефону и собирает вещи. Похоже, у неё выпал телефон и разбился. Это ж элементарно, Савелий!

– Логично, – буркнул я. – Но мне кажется, всё значительно сложнее.

Мы въехали на узкую грунтовую дорогу, по обеим сторонам замелькали хвойные и лиственные деревья. Впереди показались широко распахнутые металлические ворота усадеб. Мы проскочили мимо них на полной скорости и подъехали к парадному входу двухэтажного величественного особняка.

Мы вышли из машины. Рядом стоял бордовый внедорожник. Точно такой же я видел у ворот кладбища, когда в него садилась бледнолицая женщина лет тридцати.

Входная дверь в дом была чуть приоткрыта.

– Войдём так, без звонка? – спросил Вадим.

Я промолчал и надавил кнопку для приличия, заиграла мелодия оповещения. Но никто не появился.

Мы прошли в холл и остановились. Ярко горела люстра. Вадим легонько подтолкнул меня. Я прошёл в большую комнату, обставленную в среднеазиатском стиле. Роскошные ковры на полу. Развешанные на стене картины с изображением великолепных арабских жеребцов. На противоположной стене конская сбруя и седла. Несколько кресел возле окон. Вместительный диван из красно—коричневой кожи, на котором валялось с дюжину маленьких подушек с вышитыми на них иероглифами. В центре огромный пустой камин. На столе стоит початая бутылка красного вина и бокал с остатками спиртного. В бронзовой пепельнице, недокуренная дамская сигарета, а рядом открытая пачка «Данхилл».

В комнате никого не было.

– Красотища! – с восторгом воскликнул Боев. – Вот бы погостить здесь! Кажется, нас провели. Что будем делать?

Я двинулся в соседнюю комнату, когда Боев меня окликнул: – Савелий.

Боев разглядывал что—то возле кресла. – Взгляни на это.

Я приблизился и увидел за креслом труп женщины.

На ней были чёрные брюки и блузка, плотно облегающие красивую фигуру. На лбу маленькая кровавая ранка, на бледном лице застыло выражение ужаса.

– Бог ты мой, – испуганно проронил Боев.

Я коснулся её руки. Она была холодной.

– Кажется, это и есть та самая Инесса Зеленская, которая должна была передать мне завещание.

– Дело дрянь, – изрёк Вадим.

– По—видимому, убийца пришёл в тот момент, когда Зеленская разговаривала со мной по мобильнику.

– Что будем делать?

– Надо вызвать полицию, – предложил я.

– Хорошо я вызову, – проронил Боев и вынул из кармана смартфон.

Я услышал приближающий звук автомобиля и подошёл к окну. К дому подъехал новенький серебристый «Нисан». За рулём я разглядел темноволосого водителя, а рядом запоминающегося рыжего парня.

Я вышел на улицу. Из машины вылез черноволосый мужчина небольшого роста, среднего сложения с грубым лицом, впалыми щеками и крючковатым носом. На смуглом некрасивом лице застыло наглое самоуверенное выражение, которое мне не понравилось. Ему было года тридцать два. На нём была надета неопределённого цвета и не первой свежести сорочка с короткими рукавами и потёртые джинсы. Мужчина уставился на меня холодным пристальным взглядом.

– Зеленская просила меня срочно приехать, – пояснил он. – Могу я спросить, кто вы?

– Я Савелий Збруев. А вы кто такой?

Он отвёл глаза в сторону, и после короткого колебания, ответил:

– Я служу вместе с ней актёром в театре. Меня зовут Артур Гуцин. Инесса просила приехать и загрузить кое—какие вещи в машину.

– Может быть, пока зайдёте в дом, – предложил я.

– Да, конечно, – сказал Гуцин и направился к входной двери.

Я двинулся следом. Гуцин шёл медленно, осторожно ступая, будто чего—то опасаясь. В помещении он увидел Боева и вдруг остановился.

– А где Инесса? – спросил он.

Боев кивнул в сторону кресла. – Там.

Мужчина в недоумении пожал плечами и двинулся вперёд. Когда Гуцин увидел труп женщины, он, опустив голову, повернулся и посмотрел мне в лицо.

– Как это понимать? – спросил он, в его голосе звучали металлические нотки.

Я взял его за локоть. – Может, пока присядете на диван?

Он отстранился от меня. – Так её что, убили?

– К сожалению это так.

Гуцин окинул нас подозрительным взглядом. – А вы как здесь оказались?

– Она просила меня срочно приехать, – ответил я. – Вопрос касался завещания моего друга.

Он нахмурился. – Вы уверены, что она именно так сказала?

– Ну да. Мы приехали семь минут назад. Сейчас мы намерены обыскать весь дом, пока вы посидите на диване.

– Нет, я с вами, – торопливо буркнул он. – Кто мог её убить?

– Я хотел бы тоже задать этот вопрос, – изрёк я.

– Но всё—таки, у вас есть какое—то предположение?

– К сожалению, я не знаю ответа.

Боев поднялся по деревянной лестнице и стал обследовать помещения верхнего этажа. Мы прошли по коридору и начали осматривать комнаты.

Я украдкой поглядывал на Гущина. Театр я любил и часто посещал спектакли, но его лицо мне было незнакомо. Нет, он не был похож на актёра, скорее грузчик с неудовлетворёнными амбициями. А у грузчика не может быть такой дорогостоящей иномарки. Тогда, кто он?

– Вы не похожи на актёра, – сказал я. – Я часто бываю в театре, но вас вижу впервые.

– Меня перевели в этот театр совсем недавно, – недовольно буркнул он.

Наступила тишина.

– А кем вы работаете? – неожиданно спросил Гущин.

– Я профессиональный жокей.

Он не удивился. – Ваше лицо мне знакомо.

– А вы увлекаетесь скачками? – спросил я.

– Красивый вид спорта, – он вздохнул. – Но мой интерес в ином. Я заядлый игрок в тотализатор. Делаю ставки и выигрываю.

– Как вам это удаётся?

– Надо вращаться среди деловых людей тогда повезёт.

– Ерунда всё это, – пробурчал я. – Мне был знаком один хороший парень, который вращался среди дельцов, но он плохо закончил.

– И много проиграл?

– Свою жизнь, – буркнул я. – Может, знаете Бориса Савина?

Он изменился в лице.

– Впервые слышу, – произнёс он и, отвернувшись, отошёл к окну.

В это время появился Боев. – На втором этаже никого нет, – сказал он.

– Вадим, вызови полицию, – попросил я.

– Я уже позвонил. С минуты на минуту они будут здесь.

После этих слов Гушин направился к выходу. Я сделал пару шагов следом и остановился.

– Артур, вы куда? – спросил я.

Он остановился и через плечо посмотрел на меня.

– Я не собираюсь здесь оставаться. И не хочу быть свидетелем всего этого.

– Мне кажется, вам лучше остаться здесь до приезда полиции, – спокойно произнёс я.

– Нет. У меня ещё есть дела. Я поеду.

Я приблизился к нему и схватил его за руку. – Простите, но вы обязаны дожждаться полиции!

Гущин злобно взглянул на меня.

– Ну, хорошо, если так нужно, – произнёс он и криво усмехнулся.

Я опустил руки. В следующее мгновение его кулак взорвался на моей челюсти с силой лошадиного копыта, и, когда я очнулся, то обнаружил себя лежащим на полу, а склонившаяся фигура Вадима пыталась вывести меня из состояния дезориентации. В руке он держал пузырёк с нашатырным спиртом.

Я тряхнул головой, приходя в чувство. С помощью Вадима я начал подниматься. Приняв вертикальное положение, я спросил: – А где этот бандит?

Боев с сочувствием смотрел на меня.

– Прости приятель, – извиняющимся голосом вымолвил он. – Не успел я сообразить, а он уже выскочил из дома, прыгнул в тачку и укатил. Он никуда не денется. Мы его достанем в театре.

– Думаю, он насвистел про театр, – потирая челюсть, с мрачным видом изрёк я.

Полицейских мы встретили возле порога. Они приехали на двух служебных автомобилях. В одном из них, оперативно—следственная группа, в другом – полицейское начальство. Они выбрались из машин почти одновременно и направились к нам. Самого главного я определил сразу. Полковник Стеблин был в чёрном полицейском кителе, в форменных брюках, галстуке. На кителе академический значок МВД. Это был плотный бледнолицый мужчина с большой копной волнистых густых пшеничных волос с редкой проседью, лоб высокий, нос острый – прямой, ноздри широкие, губы сжатые в узкую полоску, глаза с прищуром, уши большие плотно прижатые к голове.

Его сопровождал подполковник Кирюхин. Он был среднего роста, коренастый мужчина. Его удлинённый острый нос и усы напоминали известного русского писателя. Он был заместителем Стеблина и опытным оперативником.

Это были два совершенно разных человека. По слухам, первый безжалостный негодяй, второй, в отношении оппонентов не допускал беспредела, действовал по закону, к каждому находил особый подход, подбирал индивидуальный ключик. Поэтому в уголовной среде пользовался уважением.

Я часто видел их в телепередаче «криминальная хроника».

Стеблин окинул меня мрачным взглядом.

– Это вы звонили? – спросил он низким голосом.

Я утвердительно кивнул и сообщил: – Тело женщины находится в доме.

Стеблин дал распоряжение подчинённым, и они двинулись в дом. Он был строгий и решительный руководитель. Я слышал, что оперативники боялись его. Стеблин считался честолюбивым, но недалёким человеком, умело используя опыт и знания Кирюхина, присваивал все заслуги себе. На прежней работе в другом регионе он избежал уголовного преследования за злостное преступление. Он умел фабриковать улики и поощрял жестокие и безжалостные действия своих подчинённых. Избежать ответственности помогли влиятельные связи. Ходили слухи, что он берёт взятки, но никто не пытался проверить это. Этот человек был наделён большой властью и потому очень опасен.

Стеблин внимательно посмотрел на Боева. – Вы опять вляпались в историю.

– Это нелепая случайность, – проронил Вадим.

Стеблин криво ухмыльнулся. – Проверим. Стоит ли верить вашим словам, – прорычал он и рукой показал на входную дверь. – Идите в дом. – Он перевёл взгляд на меня. – А вы подождите здесь. У вас обязательно возьмут показания. Они скрылись за входной дверью.

Я осмотрелся. Во дворе кроме меня никого не осталось. Я сел в машину, опустил стекло, включил приёмник. В салоне

засвучала спокойная музыка.

Через сорок минут из дома вышел подполковник Кирюхин. Увидев меня сидящим в машине, он приблизился. Я вылез из машины.

Кирюхин протянул мне руку. – Меня зовут Николай Николаевич.

– Я Савелий Збруев. Будем знакомы, – я пожал его пятерню.

– Мне доводилось видеть вас на скачках. Вы жокей?

– Да.

– Кем вы приходитесь Инессе Зеленской?

Я рассказал причину своего появления в доме.

Кирюхин внимательно выслушал, и тут ему позвонили на мобильный телефон. Он отошёл на пару шагов в сторону, переговорил с собеседником, отключил связь и повернулся ко мне.

– Вы раньше встречались с Зеленской?

– Да. Это было в день похорон моего друга Бориса Савина.

– Вы говорили, причиной приезда сюда послужило завещание Савина?

– Зеленская именно так мне сказала по телефону.

– Вы лжёте?

– Нет.

– Тогда объясните, почему она не сообщила вам о завещании на кладбище?

– Я не знаю. Может быть, она не знала меня в лицо.

– Почему вы так думаете?

– Я не видел её раньше в окружении Савина. Но на кладбище она привлекла моё внимание печальным даже страдающим видом. Когда она проходила мимо меня, я поздоровался с ней, но она даже не взглянула в мою сторону.

– Почему вы думаете, что именно она вам звонила, а не другая женщина?

– Я об этом не задумывался. Мне позвонили, я сразу поехал.

– Какой у неё был голос?

– Её голос был мягкий, нежный, с напевным грудным звучанием. Очень приятный и притягательный.

Кирюхин усмехнулся. – Дело в том, что Зеленскую и её семью я хорошо знаю. Она жена никчёмного человека, картёжника, проходимца, в общем, отъявленного плута – Иннокентия Венедиктова. Этот проходимец избежал уголовного наказания благодаря усилиям тёщи – Руфины Аркадьевны Зеленской. Она известная в прошлом номенклатурный работник и партийный деятель высшего звена, а ныне состоятельная женщина. Этот дом принадлежит ей. У неё обширные связи в столице. Она всегда держит руку на пульсе. И с ней никто не хочет связываться, – проговорил он, и после небольшой паузы продолжил: – Её дочь Инесса Зеленская раньше работала солисткой в эстраде, а потом сорвала голос. Ей сделали несколько операций на связках, но всё как—то неудачно. Голос у неё стал отвратительный схожий со звуком

открывающей скрипучей калитки. После этого она изменилась в худшую сторону. Есть сведения, что она принимала наркотики.

Я был ошеломлён.

– Странно, – в недоумении пробубнил я. – Тогда выходит мне звонила совершенно другая женщина от её имени.

– Похоже, что так и было, – произнёс Кирюхин.

Мы установили, что звонок на ваш мобильник был сделан с её номера. Но телефона Зеленской мы не нашли, – сказал Кирюхин. – Также, мы не обнаружили в доме завещание Савина. Мне только что звонили и сообщили, что такого завещания вообще не существует в банке данных Нотариальной палаты.

– Не понимаю смысла всего этого. Зачем кому—то понадобилось морочить мне голову?

– Кому— то вы спутали карты. Похоже, вас загоняли в ловушку. Думали вы приедете один, а вас оказалось двое.

– В ловушку! Почему вы так думаете?

– Это первое что пришло мне на ум, – произнёс Кирюхин. – Интуиция обычно меня не подводит.

Кирюхин изучающе смотрел на меня.

– Скажите, когда вы ехали сюда, вы никого не встретили?

– Нет. Как только мы обнаружили труп женщины, я попросил Боева позвонить в полицию. Но в это время приехал мужчина...

– Мужчина! Как он назвался?

– Артур Гушин. Он сказал, что служит с ней в театре и приехал по её просьбе, чтобы помочь загрузить вещи в машину.

– Ваш приятель Боев тоже подтвердил этот факт, – произнёс Кирюхин. – Я уже выяснил, что Гушин в театре не служит. Этот субъект нам пока не известен.

– Он был похож на бандита, – сказал я. – Он мне сказал, что играет в тотализатор. Крутится среди дельцов на ипподроме.

– Вам не кажется, что он может иметь отношение к убийству? – спросил Кирюхин.

– Вряд ли, – буркнул я. – Зачем ему снова возвращаться, если он замешан в убийстве.

– Всё может быть, – проронил Кирюхин улыбнувшись. – Вернуться он мог только в единственном случае...

– Вы хотите сказать, он что—то забыл в доме?

– Да.

Я наморщил лоб. – Вероятно, это могли быть какие—то ценности, деньги или документы...

– Мы в доме всё перерыли. Ничего ценного не нашли, кроме вот этой штучки, – сказал сыщик и вынул из кармана полиэтиленовый пакетик внутри которого находилась пистолетная гильза.

– Это интересно, – буркнул я.

– Вот именно, – с удовлетворением изрёк сыщик. – Это улика. Гушин вернулся именно за этим. Я думаю, он назвал-

ся вымышленным именем.

Мы посмотрели друг на друга.

Кирюхин опустил пакетик в карман. — Я решил с вами переговорить, потому что вы один из немногих людей, которые мне симпатичны, — сказал он. — Мне нравится конный спорт. За вашими успехами я наблюдаю давно и искренне рад за вас.

— Благодарю вас.

Он кивнул и опустил голову, разглядывая свои туфли.

— Я знаю, что вы недавно потеряли друга. Этот несчастный случай — самострел, который с ним произошёл, как—то не вяжется с его бурной жизнью, с его благополучием и достатком, — задумчиво проговорил сыщик. — Я в последнее время долго думал об этом, и у меня возникло некоторое сомнение. Если он был доведён до самоубийства, то для этого должны существовать веские причины. Не правда ли?

— Разумеется. Я тоже сомневаюсь в самостреле.

— Может быть, это умышленное убийство, профессионально исполненное преступником. Если это так, то должны быть какие—то улики прямо или косвенно указывающие на это. С кем он общался? Пораскиньте мозгами, может быть, вспомните что—то подозрительное в его окружении, например: ссоры, угрозы в его адрес, странные фразы кем—то брошенные в порыве гнева.

— Его смерть, мне тоже не даёт покоя. Ведь Борис возглавлял коммерческий банк, вращался среди деловых людей, за-

рабатывал на каких—то сделках. Во время нашей последней встречи он сказал, что у него намечается выгодная сделка.

— Он вам сообщил с кем именно?

— Нет. Он не упомянул ни фамилии, ни каков род сделки.

— Жаль, что хорошей информации очень мало, — произнёс Кирюхин. — Ну что ж, будем работать с тем материалом, который имеем.

Он замолчал, ожидая, не добавлю я чего—нибудь.... Но я промолчал.

Полминуты спустя, он сказал: — Вы должны помалкивать о том, что увидели здесь и слышали от меня. — Он передал мне свою визитную карточку. — Если вспомните или узнаете что—либо полезное по этим делам, то звоните мне в любое время. Вы меня поняли?

— Да, — буркнул я. — Кстати, этот парень, который назвался Гущиным, был не один. Пока мы с ним общались, в его машине находился парень с рыжими волосами.

— Хорошо, — сказал Кирюхин, шагнув в сторону дома. — А теперь вместе со своим приятелем вы можете быть свободны. Он сейчас подойдёт.

Кирюхин скрылся в доме, а через пару минут появился Вадим, и мы уехали.

Глава 4

Вечером того же дня я находился дома и смотрел по телевизору новостную программу. Зазвонил мой мобильный телефон. Я взглянул на дисплей, номер абонента был мне не известен. – Алло!

– Савелий Акимович? – спросил низкий женский голос.

– Да.

– С вами говорит Руфина Аркадьевна Зеленская. Не могли бы вы сейчас приехать в мой офис, где я нахожусь в данный момент. Я хочу переговорить с вами по поводу моей дочери Инессы.

Я был удивлён.

– Что вы хотите? – раздражённо спросил я. – Всё, что знал, я уже сообщил полиции. Откуда вы знаете, что я был там?

– У меня хорошие связи, Савелий Акимович, – вымолвила она. – Не пренебрегайте мной. Кто знает, может быть, я смогу быть вам полезной.

Мне не хотелось обострять отношений с такой всемогущей женщиной, поэтому я ответил: – Конечно, Руфина Аркадьевна, я сейчас приеду. Как мне найти вас?

Она сообщила адрес и название фирмы «Мустанг». В доме, где размещался её офис, находилась квартира Бориса Савина. Я просто не мог поверить такому совпадению, если это вообще было совпадение.

– Когда вы приедете? – спросила она.

– Через полчаса.

– Я буду ждать, – проронила Зеленская и связь прервалась.

Я оделся и подошёл к зеркалу. Вид у меня был достаточно приличный. Поправляя галстук, я спрашивал себя, что ей нужно от меня. Разумного ответа я не нашёл.

Я вывел из гаража свой мерседес и поехал в центр города по Наугорскому шоссе. Затем я миновал улицу Пионерскую и повернул на Октябрьскую. Через десять минут я подъехал к офису фирмы. Над входной дверью сияла неоновыми огнями цветная вывеска с изображением бегущего жеребца и витиеватой надписью «Мустанг».

На пороге в офис меня встретила девушка на вид около тридцати лет. Она пристально и несколько критично наблюдала за мной. Первое на что я обратил внимание, на ней была копна тёмных волос. У неё было миловидное лицо. Большие миндалевидные глаза с густыми ресницами придавали ей восточный облик, который вынуждает думать о деньгах и сокровищах, подпольном казино и интригах. На ней были сиреневая жакетка, чёрные брюки с завышенной талией, и роскошные фиолетовые туфли лабутены, расшитые золотом из Лондонской коллекции «на все случаи жизни».

Она профессионально изобразила гримасу улыбки.

– Я Елена, помощница Руфины Аркадьевны.

– Очень приятно, – изрёк я, сражённый необычайной кра-

сотой.

Девушка открыла входную дверь и пропустила меня внутрь. Там было очень светло. Небольшое помещение с обычным стандартом офисной мебели.

Елена прошла к противоположной двери и скрылась за ней. Я обратил внимание на ворох бумаг на её рабочем столе. В глаза мне бросился прайс с перечнем товара. Моё любопытство взяло верх. Я сел за стол. В перечне прайса значилась: экипировка для всадника, снаряжение для лошади, средства ухода за лошадыю и прочие товары. Пока изучал список, я случайно задел дверцу тумбочки под столом, которая скрипнув, открылась наполовину. Я непроизвольно взглянул вниз и увидел из—под кипы папок, торчащую рукоять дамского пистолета ПСМ. Конечно, меня это не касалось. Просто было любопытно. В армии я служил в спецподразделении и, стрелял из различного вида оружия. Эта модель была мне хорошо известна. Я взял ПСМ в руки, вынул магазин. Там семь патронов, значит восьмой в стволе, я передёрнул затвор и заглянул в ствол. Так и есть. Я высыпал патроны на стол, а потом сгрёб в карман. Пистолет сунул на прежнее место. Закрыв дверцу, встал и отошёл в сторону от стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.